

случая по обычному обряду.¹⁶ Нил в своем послании напоминает о кознях дьявола и приводит пример о гибели Афанасия Афонского: старец поднялся со своим учеником на верх нововыстроенной церкви, и оба разбились.¹⁷ Приведя еще один назидательный рассказ — о древе спасенного креста, взращенного Лотом, владыка заканчивает письмо повелением петь молебны в церкви и «литургисати», а человека похоронить и «поминати, яко и по прочем христианине».

Повод для параллели с Лотом («А преж того, государь, Лот согрешил и после пришед вся плакася Аврааму с покаянием и положи ему Авраам опитемью...») остается для нас неизвестным. Апокриф о трисоставном древе есть в Толковой палее и присутствует в русских рукописях XVI в. уже в нескольких редакциях.¹⁸ В изложении Нила, однако, есть деталь, которая не известна в других списках, — о том, что бесы выпивали воду, которую Лот носил для поливки «главни», чтобы древо проросло. Автор свободно пересказывает хорошо ему известные легенды, не придерживаясь литературного их изложения.

Нельзя не обратить особенного внимания автора послания к обители Афанасия: о ней он начинает свое повествование, к ней же он снова возвращается, заканчивая рассказ: «И великая обитель есть и поныне, а из обители святого Афанасия от тех мест и донныне сколки монастырей и сколка душе, тмы тмами спасося». Мысли Нила обращаются к лавре Афанасия, как Максим Грек постоянно обращает свои взоры к *alma mater* — Ватопедскому монастырю.¹⁹ Если правомерно предположение, что Нил прибыл в Россию из Святой Горы, то наиболее вероятно, что местом его иночества на Афоне была Афанасьевская обитель.

Лавра св. Афанасия Афонского — главный духовный и административный центр Афона — была вместе с тем и крупнейшим центром книжности, с устойчивыми традициями греко-русского общения.²⁰ Здесь в XV в. рядом с греческими писцами работали и русские книжники. В Лавре Нил мог получить основы знания русского языка, которые ему

¹⁶ По этому поводу Максим Грек специально написал «Послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребения для утопленного и убитого бывають плототлительны стужи земных прозябений», в котором говорит о бесчеловечности этого поверия, приводит в пример Товита и ссылается на эллинских мудрецов, которые повелевают «погresti тело утопленных, поверженных и убиенных» (Сочинения Максима Грека, ч. 3. Казань, 1862, стр. 170—179).

¹⁷ Житие Афанасия Афонского, в котором описаны обстоятельства его смерти, появилось на Руси в 30-х годах XV в., в списках с рукописи, написанной в Лавре Афанасием Русиным (см.: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 746). Библиографические описания рукописи см.: Г. И. Вздорнов. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 171—198. В житии Афанасия говорится, однако, не о башмаке, а о тридневном истечении крови от «священного мертвеца» (л. 405). «Чудотворный» башмак св. Афанасия стал позднее в Лавре реликвией, которая упоминается в позднейших описаниях афонских монастырей XVI—XVII вв.

¹⁸ В. Успенский. Толковая палая. Казань, 1876, стр. 53, 94; ВМЧ, сентябрь 14—24. СПб., 1869, стр. 763—766; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. По рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 96—99, 101, 221, 227; А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. III, отд. II, 2. М., 1859, стр. 594. Любопытный вариант апокрифа содержится в рукописи ГПБ, Q.I.1157; сборник смешанного содержания, XVII в., лл. 99 об.—100 об.; в этом варианте автор подвергает критике другие, известные ему редакции сказания.

¹⁹ Ср.: Н. В. Синицына. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519). — ВВ, т. XXVI, М., 1965, стр. 111.

²⁰ Сведения о библиотеке Афанасьевского монастыря см.: Б. Л. Фонкич. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. — Палестинский сборник, вып. 17 (80), Л., 1967, стр. 167—175.